

Перед произведениями Светланы Чураевой, по их прочтении, засты-
ваешь в изумлении.

И в раздумье высоком, необходимом и даже насущном.

Перед нами – феномен прозы, которую принято называть «мужской» – с ее микеланджеловскими мускулами, с роденовской страстностью, – прозы маскулинной, но без brutального пережима, яркой и издали видной, но без нарочной плакатности, глубокой и глубинной, но без скучного философствования и умствования.

И такую крепкую, мужскую прозу пишет женщина.

Причем оставляя, сохраняя внутри нее, этой самой прозы, – себя, женщину, со всеми присущими женщине особенностями и приметам психологии, душевности, духовности, – со всей нежностью и силой ее пола.

Эти «ножницы», это противоречие (конечно, кажущееся, ибо настоящее творческое начало – это бесспорная цельность) преодолевать не надо. Феномен уфимского прозаика Светланы Чураевой в том, что в русской литературе, наверное, и впрямь наступает «время женщин» (не путать с названием романа Е. Чижовой) – когда женщина, жена, мать, не теряя природного предназначения, становится еще и художником, мыслителем, явлением культуры, впередсмотрящим искусства – становится Мастером.

Притом как прекрасно, просто отлично, что все вещи Светланы – разные! Она не повторяется. Это драгоценно. Это важно. Беда для художника, когда он впадает в тематические репризы, а еще хуже – в самоповтор. Чураева разнообразит не только интонацию, стилистику, метроритм повествования – она свободно окунается в разные временные, исторические пласты и вольно и смело плывет в них.

Гротеск, смешанный с терпко-жесточкой правдой в «Чудесах несвятой Магдалины», доходящий до откровенного ужаса, почти шока, сменяется пронзительным лиризмом повести «Девочка и графоман» – о поздней женской любви, идущей по лезвию бритвы меж явью-бытом и праздничным сном; легенда первохристианских времен («Апостол»), размятая в сильных чураевских пальцах новым, неожиданным «культурным тестом», – эпической повестью «Ниже неба», которую и повестью-то назвать нельзя – это, по сути, компактный роман, даже эпос, где слиты воедино история семьи и история Башкортостана, история души художника, рождение и весь жизненный путь этой души – и драматические, трагические страницы времени, в которое уложилась, легла вся эта одна-единая жизнь. Касим Девлеткильдеев, сын Салигаскара, про-

ходит этот свой путь из конца в конец, и эта дорога, вясь среди времен, обрастает событиями, каждое из которых достойно своей развернутой, как веер, отдельно написанной истории, своей отдельной книги. Чего стоят картины лютого голода в башкирских селах! А петербургская-петроградская, предреволюционная жизнь Касима, когда он учится в Академии художеств... тревога сгущается, и сгущается время, оно бьется кровью, упругим пульсом под пальцами, под кистью: краска близко и кровь тоже – слишком близко.

Многие писатели изображали смерть. Но чего стоит спокойный скорбный уход Касима, показанный Светланой Чураевой, прошедший сквозь ее большое сердце:

«Он притаился, как мёртвый. Что там внутри? Огромное, как восторг, чистое. Небо?»

И тут он сорвался на жест живых, он потянулся зажать то, что рвалось изнутри – боль. Но рука не дотянулась до груди, упала на шею, неловко вывернув пальцы. И силы кончились все.

Под пальцами – жила на шее: миг, миг, миг... Как часы. Где-то там летний шум: мяч стучит об асфальт. На закате закрыл глаза, на рассвете – открыл, а на окна уже выпал снег.

Часы стучат – для живых. Мёртвым не надо часов. Он не жив и не мёртв, для него песок высыпается с этого света на тот – миг, миг, миг».

Чего стоит неловкое танго, что первый раз в жизни танцуют двое случайно встретившихся людей, в одно мгновение ставших безумно дорогими друг другу:

«Они танцевали – завсегдатай дискотек и девочка из хорошей семьи.

Их танец не был классическим танго, не был он и сексом в обычном понимании слова. Это было скольжение между мирами – когда не только движение, но даже полвздоха не в такт грозят обрушением в пропасть. Но божественный инстинкт не даёт оступиться – любовь чертит для них дорогу. (...) –

Besame, besame mucho,
Como si fuera esta noche la ultima vez...»

У Светланы Чураевой у самой есть этот безошибочный авторский инстинкт – отсекал лишнее, выцеплять и показывать главное, не срываться в сантименты, но и не злоупотреблять грозными материями, которыми изобилует жизнь – жестокостью, болью, ненавистью. Законы эстетики таковы, что контраст прекрасного и безобразного в искусстве нужен – так же, как он нужен и в повседневном быту и в библейском бытии, иначе мы перепутали бы добро со злом, – как он нужен в религии, чтобы мы могли отличить беса от Бога.

Вопросы Бога, человеческого в Боге и божественного в человеке – это тревожит художника всегда, это и та материя, из которой Чураева лепит свою повесть «Апостол». Апостол Павел (Савл) внезапно виден нам здесь иным – не каноническим и не подробно-«биографическим», а скорее апокрифическим, легендарным, но это – чураевская, а не евангельская легенда, это авторская мистичность и авторская притча. И художник имеет на нее право – на то он и художник:

«Его собеседник недоумённо пожал плечами.

Павел неожиданно встал.

– Хорошо, я крещу тебя, Картафил. – Взял сапожника за руку, приложил его руку к его же груди. – Чувствуешь здесь?»

- Да.
- Что?
- Болит.
- Это болит твоя душа, жаждущая бессмертия».

Потрясающий по силе воздействия этюд «Чудеса несвятой Магдалины» носит подзаголовок: «Из романа Shura Le». Это и интеллектуальная интрига (а есть ли роман? или пишется? и когда выйдет?), и в то же время надо помнить и о том, что Шурале – такое волшебное существо, башкирский леший, лесной житель, он крутит и водит за нос, он уводит далеко в чащобу...

В прекрасный, густой и солнечный лес прозы Светланы Чураевой мы входим, под сень этих могучих деревьев. Здесь можно потеряться, да. Застыть от восторга перед мощью этого леса. И собирать в нем драгоценные, сладкие ягоды. И чувствовать на губах горечь его дикого меда.

Потому что этот автор, Чураева, истинно природен (природный дар!) и принадлежит природе как земле, культуре, родному пространству, в котором он возрос и живет: горам и степям Башкирии, Уфе с ее пластиками великой истории, великой русской прозе, и Светлана Чураева – плоть от плоти и кровь от крови ее.